

© 2013 г. Е.Н. НИКИТИНА

СУБЪЕКТНЫЕ НУЛИ И ПЕРЦЕПТИВНЫЙ МОДУС

(к вопросу о выражении категории эвиденциальности в русском языке)*

Данная работа посвящена анализу такого традиционного объекта русистики, как неопределенно-личные предложения, в связи с семантическими (понятийными) категориями определенности-неопределенности и эвиденциальности (содержанием которой является ссылка на источник информации и, как следствие, степень достоверности информации). В статье показана связь между конкретными эвиденциальными значениями, типами модусов и ролями говорящего. Неопределенность (неизвестность агенса) и недостоверность (в отсутствие зрительности) как частные значения названных категорий могут пересекаться в условиях перцептивного модуса (роль говорящего – наблюдатель). Взаимодействие семантики неопределенности и недостоверности рассмотрено на примере неопределенно-личных предложений (и функционально и семантически близких конструкций – глагольных безличных предложений) в текстовых фрагментах разной жанровой принадлежности.

Ключевые слова: диктум, модус, неопределенно-личное предложение, безличное предложение, слуховая перцепция, неопределенность субъекта, наблюдатель, смежное пространство

The article studies Russian indefinite-personal and impersonal sentences in their relation to the categories of definiteness / indefiniteness and evidentiality. The author shows a relation between evidential meanings, types of modus and roles of speaker. The concrete meanings of the mentioned categories (indefiniteness of agent and unavailability of visual perception) can semantically intersect in the perceptive modus (speaker as observer). Semantic interaction between indefiniteness and unreliability of sensor perception is analyzed within text of different genres.

Keywords: dictum, modus, indefinite-personal and impersonal sentences, audio-perception, indefinite agent, observer, adjacent area

СУБЪЕКТНЫЕ НУЛИ

В отношении традиционных односоставных предложений – неопределенно-личных и безличных (*Улицу засыпали песком – Улицу засыпало песком*) – со времени работы [Мельчук 1974] принято говорить о субъектной позиции и о нулевом субъекте с семантикой личности / стихийной природной силы. Эта традиция поддерживается в работах [Булыгина 1990; Булыгина, Шмелев 1997; Падучева 2012]. Понятие синтаксического нуля использует в своих работах Н.К. Онипенко, которая понимает его расширительно. Н.К. Онипенко разделила синтаксические нули по характеру синтаксической позиции [Онипенко 2011]. Из них нас будут интересовать нули в именительном падеже в составе простого предложения – в предложениях неопределенно-личных и неопределенно-предметных. Предложения неопределенно-личные организованы предикатом в форме 3-го л. мн. ч. наст.-буд. вр. / мн. ч. прош. вр., применительно к ним принято говорить о синтаксическом нуле $0_{3\text{мн}}$. Неопределенно-предметные предложения выделяются в качестве модификационного варианта основной двусоставной модели предложения в концепции коммуникативной грамматики: «Опущение, неназванность субъекта... в силу избыточности либо... по незнанию... создает модификацию с неопределенно-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 12-04-12064).

предметным значением. Если для неопределенно-личных модификаций характерна глагольная форма 3-го лица множественного числа, то для неопределенно-предметных – 3-го лица единственного числа (среднего рода в прош. времени)», см. [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 116]. Ср.: *Кто-то стучит. – Стучат. Стучали; Что-то стучит. – Стучит. Стучало.*

ТИПЫ ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАННОСТИ И ТИПЫ МОДУСОВ

Как известно, начало разработки категории эвиденциальности (засвидетельствованности) в лингвистической литературе связано в рамках американистики с именем Ф. Боаса (работа 1911 г.), а широкую известность эвиденциальная проблематика и терминология приобретают благодаря работе Р.О. Якобсона [Якобсон 1972], в которой категория эвиденциальности исследовалась на материале болгарского языка (подробный обзор работ по эвиденциальности см. в [Плунгян 2000; Козинцева 2007б]). Р.О. Якобсон [Якобсон 1972] разграничил разные типы сообщения о событиях на разных основаниях, на которые опирается говорящий при сообщении: сообщение другого лица (цитация), сон (откровение), догадка (предположительность), собственный опыт (память). Тем самым значения засвидетельствованности, о которых говорит Р.О. Якобсон, помещаются в рамках ментальных модусов. В современной лингвистике с привлечением материала все новых языков основной водораздел между разными типами засвидетельствованности пролегает между указанием на то, являлся ли говорящий свидетелем сообщаемого факта или нет; если да, то какой перцептивный канал был задействован. Тем самым проблематика источника информации оказывается связана не только с ментальными, но и с перцептивным модусом.

Типом модуса, следовательно, обуславливается эвиденциальная характеристика: прямая / косвенная, непосредственная / опосредованная засвидетельствованность. Базой прямой засвидетельствованности является соединенность модуса речи и модуса восприятия (обычно по зрительному каналу) в одном субъекте – при (возможном) временном расхождении этих модусов: переход от (зрительного) наблюдения к речи. В основе опосредованной засвидетельствованности – наличие двух разных субъектов речи и двух разных фактов речи, разделенных временем: переход от (чужой) речи к (своей) речи¹.

В духе традиций Ш. Балли Н.Д. Арутюнова дает такую характеристику модуса: это «постоянный партнер пропозиции (диктума)» [Арутюнова 1988: 106]. Тип модуса отражает позицию говорящего по отношению к сообщаемому (диктуму). Н.Д. Арутюнова представляет классификацию типов модусов: «Значения распределены по следующим основным планам: перцептивному (сенсорному), ментальному (когнитивному, эпистемическому), эмотивному и волеизъявительному (волитивному)» [Там же: 109]. В плане соотнесенности модусов и типов засвидетельствованности особо важны модусы следующих планов: сенсорного, которому принадлежат модусы чувственного восприятия; ментального – полагание (мнение), сомнение и допущение, истинностная оценка, незнание, общая аксиологическая оценка (модусная терминология принадлежит Н.Д. Арутюновой).

Термин «модус» используется в концепции коммуникативной грамматики. Перцептивный модус был дифференцирован в зависимости от типа канала. Восприятие посредством зрительного канала получило название о б щ е п е р ц е п т и в н о - г о модуса (к нему принадлежит лексика, связанная с положением в пространстве, цветом, формой предмета и т. п.). Остальные виды перцепции (слух, вкус, обоняние, тактильное ощущение), не столь существенные и частотные, были названы ч а с т н о п е р ц е п т и в н ы м модусом [Сидорова 2001]. К частноперцептивному модусу принадлежит лексика данных каналов, а также зрительная лексика с частными, узкими

¹ В современных исследованиях по эвиденциальности авторы обращают внимание на семантическую связанность этой категории с эпистемической модальностью [Плунгян 2000; Козинцева 2007б], что дает авторам основание помещать категорию эвиденциальности в «глагольную семантическую зону» модальности и наклонения [Плунгян 2000].

значениями (*искриться, сверкать* и т.п.). Для данной работы наиболее важно аудионаблюдение как вариант частноперецептивного модуса.

Применительно к русскому языку принято выделять следующие способы вербализации модусов: так называемые рамочные предикаты разной семантики (*знаю / известно / говорят, что...; думаю, считаю, полагаю, что... и др.*), вводные слова (*возможно, наверное, конечно, должно быть и др.*) и частицы (*вряд ли, де, мол и др.*). Перцептивными модусными прототипическими предикатами являются такие: *(было) видно, как...* – для общеперецептивного модуса, *(было) слышно, как...* – для частноперецептивного модуса. В этом плане интересна работа [Кириллова, Примова 1988], в которой в рамках морфосинтаксического подхода (так называемые структурные схемы предложения) собраны средства выражения зрительного и слухового канала в русском языке.

Те языковые средства, которые Н.Д. Арутюнова рассматривала в связи с передачей модусов, обсуждаются и в связи с выражением эвиденциальных значений в русском языке [Козинцева 2007а; Полянский 2001], в котором эвиденциальность, как известно, не категоризована в системе специализированных морфем. Говоря об отсутствии грамматикализации засвидетельствованности, Н.А. Козинцева называет такие языки, как русский, английский, немецкий, французский, в которых при необходимости значения категории эвиденциальности «передаются синтаксически и лексически» [Козинцева 2007б: 14]. В исследовании Н.А. Козинцевой, посвященном косвенному источнику информации в русском языке, приводятся такие средства его выражения²: авторизованные предикаты, главное предложение в составе сложноподчиненных предложений с придаточным изъяснительным, вводные слова, модальные речевые частицы.

Категория эвиденциальности для языков с неморфологизированной эвиденциальностью противопоставляется категории таксиса в рамках сложноподчиненного предложения [Полянский 2001]. Опираясь на разграничение модусных и диктальных предикатов, С.М. Полянский интерпретирует межпредикативные отношения в разных типах сложноподчиненных предложений в связи с эвиденциальностью и таксисом. С.М. Полянский показал временной характер отношений между частями в предложениях с обстоятельственными придаточными (таксис) и отсутствие временных отношений в предложениях с придаточными изъяснительными (эвиденциальность), главное предложение которых вместе с подчинительным союзом и является модусным предикатом (модусной рамкой)³. Тем самым можно сделать вывод, что эвиденциальные значения в русском языке выражаются в высказывании только с вербализованным модусом.

Соединение типологии модусов с типологией засвидетельствованности может дать новые подходы к интерпретации роли говорящего в предикатах со встроенной семой личного субъекта (см., например, «нетривиальный наблюдатель» Ю.Д. Апресяна). Опора на такие семантически различные типы засвидетельствованности, как прямая и косвенная, непосредственная и опосредованная засвидетельствованность (см. [Плунгян 2000: 322–323]), позволяет уточнить роль **говорящего**⁴, который выступает носи-

² Возможно, впервые о связи синтаксической конструкции с категорией эвиденциальности писала Г.А. Золотова: «Можно утверждать, что в отличие от языка американских индейцев..., в которых классификация по источникам осведомления выражается с помощью специальных глагольных форм, в русском языке... существует для выражения источника знания... обширная разработанная, но недостаточно изученная система синтаксических средств. Суть ее в том, что разнообразными, но вполне поддающимися описанию способами в предложение, содержащее ту или иную информацию об объективной действительности, вводится второй структурно-семантический план, указывающий на субъект, “автора” восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и на характер восприятия» [Золотова 1973: 263].

³ Другим подходом к разграничению диктума / модуса в связи со сложноподчиненными изъяснительными предложениями – уже вне связи с категорией эвиденциальности – можно считать интерпретацию «метатекста» в «тексте» в известной работе А. Вежбицкой [Вежбицка 1978].

⁴ Ср. с типологией ипостасей говорящего Е.В. Падучевой: 1) говорящий как субъект дейксиса; 2) говорящий как субъект речи; 3) говорящий как субъект сознания; 4) говорящий как субъект восприятия (см. [Падучева 1996: 262]).

телем того или иного модуса: (1) наблюдатель (перцептор), свидетель события; (2) субъект мнения, основывающийся либо на наблюдении «следов» события, по которым он судит о самом факте события, либо на ментальной информации; (3) субъект знания, получающий информацию о событии через других лиц. Первой роли говорящего соответствует прямая (непосредственная) засвидетельствованность, второй роли – косвенная (непосредственная) засвидетельствованность, третьей роли – косвенная (опосредованная) засвидетельствованность.

В связи с предложенной выше соотносительностью типов модусов и типов засвидетельствованности имеет смысл рассмотреть интерпретацию модусного глагола *выглядеть*. Интересно, что сема «личного субъекта» в глаголе *выглядеть*, обнаруживающая позицию говорящего и интерпретируемая Е.В. Падучевой [Падучева 2007] как «наблюдатель», при таком дифференцированном подходе к типам модусов оказывается не наблюдателем, а, скорее, субъектом мнения, которое, возможно (но не обязательно), базируется на зрительном впечатлении, ср.: *Маша выглядела странно* (суждение на основании наблюдения за одеждой, поведением и т. п.) – *Это мнение выглядело странно* (суждение на основании ментальной оценки).

МОДУС И КОММУНИКАТИВНЫЙ РЕГИСТР

Если в речевом режиме⁵ модус принадлежит говорящему, то в художественном тексте, в нарративе в форме 3-го лица, на модус при воплощении внутренней точки зрения⁶ в одинаковой мере **начинают претендовать автор и герой** (в частности, во фрагментах, обусловленных перцептивным модусом, функцию говорящего выполняет автор, наблюдение делится между автором и героем) – речь идет о так называемой зоне «субъекта сознания»⁷ в рамках субъектной перспективы (см. раздел в [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 229–251]). Субъекта сознания в коммуникативной грамматике называют владельцем модуса и характеризуют по типу модуса – субъект знания, субъект мнения, субъект-наблюдатель.

Текстовый фрагмент в рамках художественного текста, в котором выражается определенный тип модуса и который обнаруживает определенного носителя этого модуса, в концепции коммуникативной грамматики принято соотносить с понятием коммуникативного регистра речи. Ср. определение Н.К. Онипенко: «Регистр – это растворенный в тексте модус». О типах регистров, т. е. о типах пространственно-временной позиции модусного субъекта, подробно см. в [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 28–35]; в коммуникативном регистре воплощается семантика модусного предиката (даже если он не вербализован).

Перцептивному, или сенсорному, модусу соответствует репродуктивный регистр, в котором моделируется ситуация совпадения времени действия, наблюдения и речи. Ситуация, воплощенная в репродуктивном текстовом фрагменте, предстает таким образом, как будто воспринимается посредством сенсорных каналов: *Она села. Он слышал ее тяжелое, громкое дыхание, (и ему было невыразимо жаль ее)* (Л.Н. Толстой. Анна Каренина).

ПЕРЦЕПТИВНЫЙ МОДУС И ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ

Максимальная степень определенности (конкретности) времени и пространства, а тем самым и высшая степень достоверности, обусловлена (зрительной) сенсорикой наблюдающего Я и его пространственно-временными координатами здесь и сейчас. Этому типу модуса и типу засвидетельствованности соответствует в рамках художествен-

⁵ О режимах интерпретации подробно см. [Падучева 1996].

⁶ О внешней и внутренней точке зрения см. [Успенский 2000].

⁷ Термин Е.В. Падучевой здесь употребляется неканонически – он обозначает владельца любого модуса (наблюдение, знание, мнение).

ного нарратива репродуктивный регистр, который создает условия для воспроизводства реальности по законам самой реальности (в чем обнаруживается связь с философией позитивизма, базирующегося на эмпирике); с таким типом изображения связаны классицизм (три единства – места, пространства и действия) и реализм (классицистические три единства находят выражение в репродуктивном регистре).

Степень определенности (конкретности) пространства-времени в разных видах искусств обсуждалась в классической работе Б.А. Успенского [Успенский 2000: 131–137]. Было показано, что словесные жанры располагают способностью перекодировки пространственного параметра во временной в силу своих имманентных свойств, а именно в силу представления пространства временной последовательностью: производство словесного произведения (речь, письмо) и восприятие (слушание, чтение) протекают во времени. Отсюда вопрос о степени конкретности **элементов пространства** (героев) в словесном произведении (нос майора Ковалева, кот Бегемот Булгакова), а тем самым «зрительно-объемного» (Ю.М. Лотман) представления их. В этой связи любопытно, что проблема «зрительно-объемного» воображения элементов пространства возникает в нереалистическом искусстве. (Но именно сам характер литературы как временного искусства, лишенного пространственного воплощения, и позволяет изображение «непредставимого».) Нас же будет интересовать вопрос о степени конкретности (определенности) элементов внешнего, воспринимаемого перцептивно пространства не в плане поэтики, а в плане грамматики – в речевом режиме и в нарративном режиме (в рамках реалистического изображения, в перцептивном модусе, в репродуктивном регистре).

НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В рамках перцептивного модуса предложения, организованные неопределенно-личными предикатами с звуковой семой⁸ (типа *В дверь постучали*), передают соединенность наблюдения и речи в условиях отсутствия зрительного канала (наблюдение по слуховому каналу), что делает этот тип информации похожим на вариант «от речи к речи», в связи с чем снижается «эвиденциальный статус», информационная значимость этих предложений – ср. с поговорками *Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать*; *Слышал звон, да не знаешь, где он*. Ср. житийную литературу о духовно-мистических визионерских опытах (посещения Богородицы, ангелов, бесов), которые могли быть признаны таковыми лишь в случае **зрительного** восприятия. В рамках категоризованной эвиденциальности ср. также **аудитивное** наклонение в финно-угорских языках, **заглазность**, **неочевидность** в тюркских языках – названия терминов держатся на отрицании зрительности. В.А. Плунгян интерпретирует этот тип получения информации как «прямую не-зрительную сенсорную информацию» [Плунгян 2000: 324], Н.А. Козинцева – как косвенное свидетельство [Козинцева 2007б: 16]. Очевидно, что не-зрительные каналы должны занимать промежуточное место в иерархии эвиденциальных статусов: данные языков разного строя показывают высокий ранг именно зрительного восприятия, остальные типы восприятия могут маркироваться как косвенное свидетельство.

В армянском языке это различие выражается употреблением форм времени: зримость – аорист, аудиоопыт – перфект, то же наблюдается и в языке вину, см. [Козинцева 2007б]. Тем самым маркировка канала получения информации в рамках категории эвиденциальности связана с использованием форм, развившихся в рамках категории времени. В частности, в турецком языке, по некоторым данным, при аудиоперцепции действия не следует употреблять перфект, а следует – аорист. Этот факт Н.А. Козинцева

⁸ См. в [Апресян 2005] о глаголах «со значением проявления свойства или процесса... Они идеально отвечают критерию “перцептивности”: в их значение входит указание на то, что данное свойство или процесс актуально воспринимается каким-то наблюдателем». В список перцептивных глаголов Ю.Д. Апресяна включаются глаголы *блистать*, *мелькать*, *греметь*, *лязгать*, *горчить*, *вонять* и др., которые охарактеризованы как частноперцептивные в работе [Сидорова 2001], которая основывается на материале [Падучева 1996].

объясняет близостью совершенного действия к моменту речи (аорист); форма перфекта отнесла бы это действие к неопределенному прошлому [Там же: 17].

В языках с категоризованной эвиденциальностью маркировка канала зрительного / незрительного нашла отображение в глагольных формах, базой для которых послужили разные значения в рамках категории времени – наличие / отсутствие дистанции между временем действия и временем речи. В русском же языке речь может идти о выражении дистанции пространственной, это смежное пространство (с точки зрения категории времени имеет место совпадение времени действия, наблюдения и речи). Ср. разграничение пространства деятеля и пространства наблюдателя в [Болдырев 2000] в связи с разными модификациями предложения: *Он подошел к двери и постучал* (пространство деятеля) – *В дверь постучали* (пространство наблюдателя).

Можно сказать, что в грамматике неопределенно-личных предложений решается тот же вопрос, который ставится в поэтике: степень конкретности действующих (диктальных) субъектов как элементов пространства. В поэтике «непредставимость» их с точки зрения читателя может быть связана с нереалистичностью, а в языковой категоризации «непредставимость» субъекта действия (его невербализованность, выраженность синтаксическим нулем) обусловлена отсутствием зрительности, его бытием в смежном по отношению к наблюдателю («субъекту сознания») пространстве: другое пространство – сфера бытия «других» по отношению к Я наблюдателя.

Анализируя материал неопределенно-личных предложений, надо сделать важное замечание о принципах интерпретации в современных исследованиях грамматических категорий и лексики, маркирующих Я. Их семантику принято рассматривать в связи с «режимом интерпретации»; исследователей интересует вопрос, обратима ли данная семантика при переходе от речевого режима (условий «первичного дейксиса» – Я здесь и сейчас момента речи) к нарративному режиму. В нарративном режиме создается субъектное пространство повествователя, которое можно назвать «сознанием» (на это «сознание» может претендовать и герой – так называемая внутренняя точка зрения); это сознание является точкой отсчета для повествуемого фиктивного мира и его пространственно-временных координат. Есть категории, частные значения которых меняются при переводе в «шаблон косвенной речи» (термин В.Н. Володинова) и в художественном нарративе переподчиняются субъекту сознания. Классическим примером является граммема прошедшего времени: в речевом режиме она обозначает реальное прошедшее по отношению к моменту речи, в нарративном может означать актуальное настоящее (правильнее было бы сказать, что граммема прошедшего времени, часто совместно с граммемой 3-го лица, может порождать актуальное сознание в рамках нарратива).

Применительно к выражению эвиденциальности в неопределенно-личных предложениях в речевом режиме можно говорить о том, что значения таких категорий и семантических компонентов, как (1) время, (2) «смежное пространство», (3) незнание, осмысляются через Я говорящего (в частности, время момента речи и момента наблюдения – настоящее), а в нарративе возможно их переподчинение субъекту сознания, соответственно прошедшее время может прочитываться как актуальное, смежное пространство «отсчитывается» от внутритекстового субъекта, незнание принадлежит ему же.

Далее рассматриваются неопределенно-личные предложения со звуковой семой (А) в речевом режиме, (Б) в драме (соединяющей технику фиктивного мира с речевым режимом функционирования категорий) и (В) в нарративном режиме.

(А) В лингвистической литературе уже отмечалось, что реальную неопределенность субъекта действия выражают не все неопределенно-личные предложения. Неопределенность субъекта характерна для неопределенно-личных предложений с предикатами – глаголами со звуковой семой [Тестелец 2001]: «Они могут обозначать воспринимаемые на слух действия, когда агент говорящему не виден (Олюди *Бомбят*; Олюди *Шумят*; Олюди *Звонят*)». См. также в [Белошапкина 1981: 448]: предложения типа *Звонят*, *Шумят*, *Стучат* «называют событие, которое происходит здесь и сейчас»; в [Булыгина, Шмелев 1997: 341]: неопределенность субъекта выражается, если

«предикат имеет конкретную временную локализацию (*Стучат, откройте*)». Как видим, характеристика данных предложений предполагает внимание как к диктуму, так и к субъекту модуса. Она должна включать указание (1) на семантику предиката (звуковая сема), (2) на тип модуса (перцептивный, частноперцептивный) и (3) на роль говорящего (наблюдатель). Тем самым обнаруживается референциальный статус субъекта действия (неопределенный) и тип засвидетельствованности. Все примеры выше даны в форме настоящего времени и без контекста – тем самым их можно отнести к речевому режиму: в условиях отсутствия лексических показателей итеративности и пространственного дейксиса форма настоящего времени имеет семантику настоящего актуального (т. е. прочитывается через время и пространство говорящего-наблюдателя)⁹.

При интерпретации примеров с точки зрения выражения эвиденциальности в речевом режиме бывает важно обратиться к внеязыковой ситуации. Так делает, например, Н.А. Козинцева, которая в квадратных скобках приводит характеристику ситуации речи, из которой следует анализируемый пример [Козинцева 2007а: 87]. Однако изучаемые примеры не всегда позволяют исследователю обратиться к внеязыковой ситуации, которая побуждает говорящего к выбору той или иной конструкции, граммемы. Если речь идет о родном языке, то реальный контекст возможно домыслить по высказыванию. Эта тактика представлена в [Тестелец 2001]: даны примеры типа *Бомбят*, указаны условия употребления таких предложений (см. выше), соотносительность высказывания и условий употребления подтверждается языковой компетенцией читателей.

Для реального восстановления внеязыковой ситуации, каузирующей ситуацию речи, в нашем случае – употребления неопределенно-личных предложений, организованных предикатами со звуковой семой, – опорой может послужить художественный текст, в котором содержится и высказывание, в котором реализованы исследуемые категории, и обрисовка внеязыковой ситуации, реакцией на которую является произносимое высказывание.

(Б) Рассмотрим примеры из драматических произведений¹⁰.

Петр, Иван и Григорий *сидят на ней*¹¹ и *спят, уткнувши головы один другому в плечо. В дверях с лестницы звенит громкий звонок. Лакеи пробуждаются.*

Григорий. Ступай, отвори дверь! *звонят!* (Гоголь. Лакейская)

Кочкарев. Да что же за беда? Ведь иным плевали несколько раз, ей-богу! Я знаю тоже одного: прекраснейший собой мужчина, румянец во всю щеку; до тех пор егозил и надоедал своему начальнику о прибавке жалованья, что тот наконец не вынес – плюнул в самое лицо, ей-богу! <...>

В сенях звонят.

Стучатся: кто-нибудь из них, верно; я бы не хотел теперь с ними встретиться. Нет ли у вас там другого выхода? (Гоголь. Женитьба)

Чебутыкин (*смеется*). А я в самом деле никогда ничего не делал. Как вышел из университета, так не ударил пальцем о палец, даже ни одной книжки не прочел, а читал только одни газеты... (*Вынимает из кармана другую газету.*) Вот... Знаю по газетам, что был, положим, Добролюбов, а что он там писал – не знаю... Бог его знает...

Слышно, как стучат в пол из нижнего этажа.

Вот... Зовут меня вниз, кто-то ко мне пришел. Сейчас приду... погодите... (*Торопливо уходит, расчесывая бороду.*) (Чехов. Три сестры).

Эти примеры обнаруживают сходство внеязыковой ситуации, обрисованной в рамках авторской ремарки, и сходство в реакции на нее героев. В авторской ремарке предложениями в настоящем времени назван звук, который слышат герои-наблюдатели (*звенит звонок, звонят, стучат*), и пространство-«источник звука» (выраженные пространственной или директивной синтаксемой – *в дверях с лестницы, в сенях, из нижнего этажа*). Затем дана словесная реакция героя-наблюдателя, наблюдаемое про-

⁹ Ср.: *Кошелек украли* – неизвестность субъекта действия в рамках модуса знания; в других случаях неопределенно-личные предложения могут быть приемом умолчания.

¹⁰ Этот прием – обращение к драматическому тексту – находим и у Н.А. Козинцевой, см. [Козинцева 2007а: 87, 89].

¹¹ На лестнице.

странство которого ограничено, – по законам речевого режима: настоящее время выражает семантику актуального времени, нулевые пространственные показатели в речи героя (пространство, в котором находится источник звука) осмысливаются относительно него: это смежное с ним пространство. Субъект речи выступает субъектом неполного (ограниченного) наблюдения, незнание наблюдателя выражается в форме неопределенно-личных предложений, указывающих на неизвестность агенса (*звонят, стучатся, зовут*). Любопытно, что ситуация незнания каузирует новую модусно-эвиденциальную роль героя – субъекта предположения, который домысливает причину звука (*кто-нибудь из них, верно – «звонит кто-то из женихов»; кто-то ко мне пришел*)¹².

Авторские ремарки в настоящем времени «неличны» и являются средством моделирования «вещественной» ситуации (преимущественно диктальные предикаты; пространство названо объективно, относительно помещения, в котором происходит действие, но не относительно какого-либо субъекта), эти ремарки не являются словом «в полной мере», собственно словом является реплика героя. Словесно автор и герой разведены – ср. с нарративом, где слово, соединяющее автора и героя, будет и сигналом моделируемой ситуации, и сигналом восприятия ее героем.

Обычно звук за сценой служит развитию сюжета, т. е. он «работает» на героев (субъектов диктума): звук мотивирует появление нового лица либо «отзывает» со сцены некоторого участника эпизода.

Чеховская драматургическая техника меняет роли в субъектной перспективе. Чехов выводит звук за пределы восприятия героев, делая основным перцептором зрителя (модусного субъекта)¹³ – ср., например, финальную сцену «Вишневого сада»: пьеса окончена, сюжет не развивается, героев на сцене нет. Зритель видит Фирса, лежащего в глубине сцены (умирающего или умершего), и только зритель (не Фирс) слышит звук, названный именным (звук) и неопределенно-личным (*стучат*) предикатами в авторской ремарке:

Фирс (подходит к двери, трогает за ручку). Заперто. Уехали... (Садится на диван.) Про меня забыли... Ничего... я тут посижу... А Леонид Андреич, небось, шубы не надел, в пальто поехал... (Озабоченно вздыхает.) Я-то не поглядел... Молодо-зелено! (Бормочет что-то, чего понять нельзя.) Жизнь-то прошла, словно и не жил... (Ложится.) Я полежу... Силушки-то у тебя нету, ничего не осталось, ничего... Эх ты... недотёпа!.. (Лежит неподвижно.)

Слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный. Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву.

Интересно, что в этой заключительной ремарке меняется статус авторского слова, оно становится личностным. В грамматическом плане это реализуется употреблением

¹² Движение от незнания (обусловленного особенностями ситуации наблюдения) к знанию может касаться и других вариантов опущения агенса, например, в предложениях с возвратными глаголами типа *Дверь открылась*; подробно см. в [Никитина 2008].

¹³ Это, конечно, не исключает и следования традиционной драматургической технике. См., например, «Три сестры» А.П. Чехова:

Наташа. Ты с Олей будешь в одной комнате, пока что, а твою комнату Бобику. Он такой милашка, сегодня я говорю ему: «Бобик, ты мой! Мой!» А он на меня смотрит своими глазеночками.

Звонок.

Должно быть, Ольга. Как она поздно!

Горничная подходит к Наташе и шепчет ей на ухо.

Протопопов? Какой чудак. Приехал Протопопов, зовет меня покататься с ним на тройке. (Смеется.) Какие странные эти мужчины...

Звонок.

Кто-то там пришел. Поехать разве на четверть часика прокатиться... (Горничной.) Скажи, сейчас.

Звонок.

Звонят... там Ольга, должно быть. (Уходит.)

эгоцентрических средств: номинации звука (диктальные предикаты, один из которых дан в сопровождении именной пространственной синтаксемы «смежного пространства»: *далеко в саду*) дважды сопровождаются модусными предикатами с нулем субъекта восприятия (*слышится, слышно, как...*); употребляются ограничительная частица *только*, сравнение, обнаруживающее субъекта ментального модуса, пространственный показатель *далеко*, который «отсчитывается» от субъекта речи. Использование эгоцентрических средств характерно скорее для нарратива при создании внутренней точки зрения, соединяющей автора и героя (а с ними и читателя¹⁴); но в финальной сцене «Вишневого сада» претендовать на роль субъекта восприятия и ментальности могут только автор и читатель, что сближает финал пьесы с поэтической, лирической формой.

(В) Употребление предикатов с звуковой семой в неопределенно-личных предложениях характерно для нарратива – в условиях, когда наблюдатель находится в пространстве, смежном по отношению к пространству, в котором происходит действие. Текстовые фрагменты позволяют установить субъекта наблюдения (обычно внутритекстового, героя) – того, кому принадлежит незнание. Само употребление неопределенно-личных предложений в этих текстовых условиях является и средством создания наблюдаемой обстановки, и маркировкой наблюдательного пункта, и сигналом ограниченности пространственной позиции наблюдателя, что имеет следствием неизвестность агенса и низкий эвиденциальный статус наблюдаемого. Незнание, выраженное в рамках неопределенно-личного предложения, обнаруживает носителя незнания – субъекта сознания, что делает повествуемый мир достовернее для читателя. Ср. с драматическим жанром, в котором слово автора и слово героя разделены, достоверность героя для читателя обусловлена его бытием на сцене, речью и действиями (т. е. наблюдением самого зрителя, читателя). См. литературные примеры ниже (многие из них взяты из [НКРЯ]). «Пространство агенса», т. е. смежное пространство, названо именными синтаксемами соответствующей семантики (выделено в тексте примеров курсивом и разрядкой). Смежность иногда заявлена прямо, лексически – прилагательным «соседний», директивной синтаксемой с дейктическим компонентом пространственной смежности в семантике предлога:

А затем был какой-то мутный бред. Он не то спал, не то просто валялся в забытии и в жару. А когда уж окончательно проснулся, было полное утро: светло, солнечно, птицы поют вовсю. *В соседней комнате разговаривали и смеялись.* Потапов что-то резко, но тихо выговаривал Зыбину [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1].

В данном примере наблюдатель назван личным местоимением *он*.

См. еще пример (Я наблюдателя включено в состав *мы*):

Мы продолжали стоять за спиной Белого Леши, глядя, как он отхлебывает из кружки, наклоня стриженую голову к столу. ... – Хватит вам и Милки, – сказал Леша Белый властно. Стало понятно, что он тут главный. – А если не хватит? – неуверенно *возразили из-за стенки* и вдруг заорали в два голоса... [А. Приставкин. Вагончик мой дальний]

В следующем примере наблюдатели Гопнер и Фуфаев, директив *из дверей зала* и локатив *в зале* указывают на смежное по отношению к ним пространство:

¹⁴ Интересно, что режиссеры-создатели МХТ, которые в нашем сознании соединены с именем Чехова как интерпретаторы, наиболее точно воплотившие замысел автора, известны тем, что в своих постановках Чехова создавали на сцене «атмосферу» (с помощью особого звукового сопровождения, не связанного с ходом сюжета). Понятно, что «адресатом» атмосферы был зрительный зал, известны восхищенные отзывы современников. Однако сам Чехов возражал против «бытового» звука на сцене в ущерб условно-символической стороне дела; в мемуарах современников сообщается о таком высказывании Чехова: «в следующей пьесе я сделаю ремарку: действие происходит в стране, где нет ни комаров, ни сверчков, ни других насекомых, мешающих людям разговаривать».

Из дверей зала горсовета, где должно быть партсобрание, дул воздух, как из вентилятора. Слесарь Гопнер держал ладонь навстречу воздуху и говорил товарищу Фуфаеву, что здесь две атмосферы давления...

В зале зазвонили о начале собрания.

– Пойдем порассуждаем маленько, – сказал Гопнер Дванову. – Мы теперь с тобой ведь не объекты, а субъекты, будь они прокляты: говорю и сам своего почета не понимаю! [А.П. Платонов. Чехенгур]

Если пространство «диктумное», внешнее по отношению к наблюдателю, сенсорно воспринимаемое, лексически выражается в рамках неопределенно-личной конструкции (пространственные и директивные синтаксемы являются метонимическим обозначением неизвестного субъекта действия), то пространство наблюдателя, «модусное», обычно не представлено словом (по закону «вторичного дейксиса», внутренней точки зрения). Пространство наблюдателя обозначается в текстовом фрагменте словом тогда, когда позиция наблюдателя обусловлена динамикой (перемещением), т. е. пространство является для наблюдателя новым (выделено разрядкой в примере):

В доме Шуминых только что кончилась всенощная, которую заказывала бабушка Марфа Михайловна, и теперь Наде – она вышла в сад на минутку – видно было... Из подвального этажа, где была кухня, в открытое окно слышно было, как там *спешили*, как *стучали* ножами, как *хлопали* дверью на блоке; пахло жареной индейкой и маринованными вишнями (Чехов. Невеста).

В следующем художественном примере искусно соединяются две семантические возможности неопределенно-личных предложений: (1) и идея смежного пространства и невидимого агенса, (2) и отчуждение между наблюдателем и агенсом (ср. с классическим *Его не видят, с ним ни слова* – Пушкин. Евгений Онегин):

Миг – и Софья Петровна была у столика; но едва она дотронулась до чужого письма, как там за стеной поднялся яростный шепот; постель скрипнула.

– «Что вы это?»

Из-за стенки ответили ей:

– «Ничего... так себе» (Белый. Петербург).

Точка зрения во фрагменте принадлежит Софье Петровне Лихутиной, с ее точки зрения средствами неопределенно-личного предложения представлено действие мужа (*ответили ей*), с которым она находится в ссоре.

В неопределенно-личных предложениях звуковая семантика может оживляться даже в глаголах, не имеющих ее в толковании («проявления по Ю.Д. Апресяну»); в данном случае – глагол *вставить* в присутствии модусного предиката *услышал* (роль наблюдателя принадлежит собаке Биму):

Вскоре он услышал: ключ *вставили* в скважину, замок шелкнул, дверь открылась, в прихожей заговорили, затем вошла Степановна, а за нею трое чужих в белых халатах – две женщины и мужчина. От них пахло не так, как от других людей, а скорее тем ящичком, что висит на стене, который хозяин открывал только тогда, когда говорил: «Худо мне, Бим, худо, плохо» (Тропольский. Белый Бим, Черное ухо).

В отсутствие модусной рамки маркером слухового канала являются только **диктальные** предикаты: *говорили* (с звуковой семой), *пили* (без звуковой семы) в неопределенно-личном употреблении – и показатель смежного пространства (локативная именная синтаксема):

Никитин приятно улыбался и помогал Мане угощать гостей, но после обеда пошел к себе в кабинет и заперся. ...В соседней комнате *пили* кофе и говорили о штабс-капитане (Чехов. Учитель словесности).

Наблюдения, касающиеся того, что неопределенно-личные предикаты даже и без звуковой семы могут обозначать слуховое наблюдение, можно продолжить следующим примером. Выбор говорящим предложения *В комнату вошли* означает, что наблюдатель лишен возможности восприятия по зрительному каналу и делает вывод на основе аудиоперцепции, т. е. неопределенно-личный предикат может маркировать тип модуса и источник информации (слуховой канал). При этом неопределенно-личное предложение не уточняет, сколько субъектов действия было в реальности: граммема *мн. ч.* предиката может указывать как на одного, так и более одного исполнителя (ср. с «множественным неопределенным» в [Плунгян 2000]). Напротив, *Кто-то вошел* может передавать как зрительное восприятие, так и слуховое. При этом в условиях слухового наблюдения местоимение *кто-то* может иметь референтом как одного, так и нескольких человек, а в условиях зрительности – только одного человека. Предложение с неопределенно-личным местоимением не маркировано по модусу (как частноперцептивный, так и общеперцептивный модус).

О взаимодействии неопределенно-личной конструкции и частноперцептивного модуса может свидетельствовать тот факт, что неопределенно-личные предложения затрудненно взаимодействуют со зрительной перцептивной рамкой, ср. два примера – литературный и сконструированный: *Сквозь дождь и запотевшее окно было видно, как кто-то вошел в нижнюю калитку* [Б. Васильев. Дом, который построил Дед] – **Было видно, как в калитку вошли*.

Пример под звездочкой аномален. Если пытаться осмыслить его, то речь могла бы идти только об известных говорящему людях, о множестве людей, но не о неизвестном наблюдателю (и, возможно, единственном) человеке. Однако здесь остается открытым вопрос о том, какие ограничения на такое соотношение по модусу двух конструкций может накладывать глагольная лексическая семантика.

В парадигматически связанной паре предложений (*В комнату вошли* – *В комнату кто-то вошел*) субъектный нуль неопределенно-личного предложения и местоимение *кто-то* противопоставлены в рамках категории определенности / неопределенности: неопределенность нуля выше; в условиях разных перцептивных каналов неопределенность местоимения *кто-то* может увеличиваться (при частной, слуховой перцепции) и уменьшаться (при общей, зрительной перцепции). О синтагматических (анафорических) связях синтаксического нуля $0_{\text{зн}}$ и кванторных местоимений см. [Булыгина, Шмелев 1997: 342].

Разная степень определенности синтаксического нуля $0_{\text{зн}}$ и неопределенного (кванторного) местоимения используется в авторских ремарках в пьесах Чехова: в тех случаях, когда звук каузирован несущественными лицами, которые не появляются на сцене, то скорее выбирается неопределенно-личное предложение (см. примеры выше из «Трех сестер» и «Вишневого сада»). Напротив, во фрагменте из «Чайки» встречаем два предложения с неопределенным местоимением, они характеризуют действия невидимой Нины Заречной, вскоре появляющейся на сцене:

Треплев (*собирается писать; пробегает то, что уже написано*). Я так много говорил о новых формах, а теперь чувствую, что сам мало-помалу сползаю к рутине...

Пауза.

Кто-то стучит в окно, ближайшее к столу.

Что такое? (*Глядит в окно.*) Ничего не видно... (*Отворяет стеклянную дверь и смотрит в сад.*) Кто-то пробежал вниз по ступеням. (*Окликает.*) Кто здесь?

Уходит; слышно, как он быстро идет по террасе; через полминуты возвращается с Ниной Заречной.

На опущение, неназванность субъекта «по незнанию» в рамках традиционных безличных предложений указывалось в [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 116], эти предложения в рамках коммуникативной грамматики получили название **неопределенно-предметных**. Безличные предложения с звуковой семой позволяют категоризовать неопределенный предмет, представляя субъекта степени неопределенности большей, чем неопределенно-личные предложения (категория предмета включает категорию лица):

– Валенки, – монотонно ответил Най и, скосив глаза к носу, посмотрел туда, где находились носки его сапог.

– Как? – не понял генерал и удивленно уставился на полковника.

– Валенки сию минуту давайте.

– Что такое? Как? – генерал выпучил глаза до предела.

Най повернулся к двери, приоткрыл ее и крикнул в теплый коридор особняка:

– Эй, взвод!

Генерал побледнел серенькой бледностью, переметнул взгляд с лица Ная на трубку телефона, оттуда на икону божьей матери в углу, а затем опять на лицо Ная.

В коридоре загрело, застучало, и красные околыши алексеевских юнкерских бескозырок и черные штыки замелькали в дверях. Генерал стал приподниматься с пухлого кресла (М.А. Булгаков. Белая гвардия).

В данном фрагменте слуховая перцепция сменяется зрительной: сначала генерал (и Най) слышит приближение юнкеров, потом видит их. Неопределенный невидимый множественный субъект категоризован максимально неопределенно: посредством категории предмета (хотя из предтекста известно, что полковник Най приказывает взводу двигаться) – потому, что услышанный звук сильный, неорганизованный, «стихийный» (ср. $0_{\text{ед.ср.}}$ стихии).

Действие невидимого наблюдателю животного обычно выражается в рамках неопределенно-предметного предложения: *Алешу разбудил протяжный вой... Вой повторился. Он неся с долины. И тотчас же совсем близко, в ущелье, завывало, завизжало, залаяло. Волки!* (Пермитин)¹⁵. Ср. со шкалой индивидуальности Ю.С. Степанова, на которой животные занимают промежуточную ступень между статусами личности и предметности (*Я – Он* – класс личных субъектов – дети – одушевленное имя (животные) – стихийная природная сила – предметный мир) [Степанов 1981].

По-другому может обстоять дело в произведениях с героями-животными, которые претендуют на роль субъекта сознания. В адресованном ребенку тексте с главным героем – животным, которое является наблюдателем, другое животное – герой обозначается нулем $0_{\text{ед.ср.}}$ (а не $0_{\text{зн.}}$) и анафорически связанным с ним местоимением *кто-то*:

Плюх-шлеп! – ударило что-то о землю недалеко от мышонка. Пик перестал грызть, прислушался. *В траве шуршало.* Плюх-шлеп! Кто-то скакал по траве прямо на мышонка. Надо скорей назад в кусты! (В.В. Бианки. Лесные были и небылицы).

Ср. с классическим случаем, когда герою-животному приписываются «человеческие» ментальные состояния, а в рамках сознания животного действия других животных категоризованы личными нулями: *Волчиха помнила, что летом и осенью около зимовья паслись баран и две ярки, и когда она не так давно пробежала мимо, то ей послышалось, будто в хлеву блеяли* (Чехов. Белолобый) – пример из [Булыгина, Шмелев 1997: 346], который авторы интерпретируют в связи с идеей о том, что в произведениях, героями которых являются животные, запрет на передачу неопределенно-личными предложениями значения не-личности снимается.

¹⁵ Пример из [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004].

При номинации неизвестных субъектов – не-людей в рамках этих двух отрывков избираются разные тактики, что можно объяснить следующим образом: в примерах с «субъектами сознания» – животными (наблюдателем мышонком и субъектом мысли волчихой) и с субъектами действия – животными при их равных онтологических статусах в рассказе Чехова оказывается важным эффект дистанцированности для волчихи от ее потенциальных жертв и их равный «личный» статус, а в детском тексте выбирается упрощенная категоризация в интересах адресата-ребенка (не смешиваются лицо и не-лицо в рамках односоставных предложений).

Подведем итоги. Сообщение о слуховом наблюдении в условиях закрытого зрительного канала, невозможности зрительной перцепции можно интерпретировать в связи с семантикой эвиденциальности. Если при цитации (пересказывательности) вопрос ставится таким образом: «кто хозяин информации?», то при маркировании частноперцептивного модуса вопрос переводится в плоскость «канал, по которому хозяин получает информацию». То свойство неопределенно-личных предложений, которое было названо «дистанцированностью» между говорящим и действующим субъектами [Булыгина 1990; Булыгина, Шмелев 1997], может в рамках перцептивного модуса функционировать как дистанцированность говорящего (и наблюдателя) от «полноты информации».

В рамках художественного изображения перцептивный модус (а с ним и значения непосредственной засвидетельствованности) часто моделируется неизосемическими моделями предложения, модифицированными моделями по линии субъекта, так называемыми односоставными предложениями. Эти средства можно интерпретировать как приближающие наблюдаемое к наблюдателю.

Рамки типов засвидетельствованности и их средств выражения в русском языке следовало бы расширить: можно говорить о выражении эвиденциальности в русском языке не только в рамочном (модусном) предикате, но и в диктальном, в связи не только с ментальными, но и перцептивным (частноперцептивным) модусом. Тем самым в традиционных синтаксических объектах русистики мы видим пересечение и взаимодействие семантических категорий определенности / неопределенности и эвиденциальности.

Соединение категории эвиденциальности с типологией модусов еще раз возвращает нас к фигуре наблюдателя, к понятию, которое используется в рамках и лексемоцентричной и текстоцентричной грамматики, и подтверждает продуктивность того подхода, при котором понятие наблюдателя оказывается прикрепленным к определенному типу модуса – перцептивному, другие же пространственно-временные позиции (ипостаси) говорящего терминологизируются иначе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 2005 – Ю.Д. *Апресян*. О Московской семантической школе // ВЯ. 2005. № 1.
Арутюнова 1988 – Н.Д. *Арутюнова*. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
Белошапкова 1981 – Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1981.
Болдырев 2000 – Н.Н. *Болдырев*. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
Булыгина 1990 – Т.В. *Булыгина*. Я, ты и другие в русской грамматике // RES PHILOLOGICA. Филологические исследования: Памяти акад. Г.В. Степанова 1919–1986. М.; Л., 1990.
Булыгина, Шмелев 1997 – Т.В. *Булыгина*, А.Д. *Шмелев*. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
Вежбицка 1978 – А. *Вежбицка*. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978.
Золотова 1973 – Г.А. *Золотова*. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
Золотова, Онипенко, Сидорова 2004 – Г.А. *Золотова*, Н.К. *Онипенко*, М.Ю. *Сидорова*. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
Кириллова, Примова 1988 – В.А. *Кириллова*, М.Б. *Примова*. Структурно-семантические особенности предложений, репрезентирующих ситуации слухового и зрительного восприятия // Идеографические аспекты русской грамматики. М., 1988.

- Козинцева 2007а – *Н.А. Козинцева*. Косвенный источник информации в высказывании (на материале русского языка) // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007.
- Козинцева 2007б – *Н.А. Козинцева*. Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007.
- Мельчук 1974 – *И.А. Мельчук*. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. Л., 1974.
- Никитина 2008 – *Е.Н. Никитина*. Акциональность / неакциональность возвратных глаголов и категория субъекта (к грамматической сущности категории залога). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>.
- Онипенко 2011 – *Н.К. Онипенко*. «Синтаксические нули» и грамматика эгоцентризма // Текст и подтекст: поэтика эксплицитного и имплицитного. М., 2011.
- Онипенко (в печати) – *Н.К. Онипенко*. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических средств // Проблемы функциональной грамматики (в печати).
- Падучева 1996 – *Е.В. Падучева*. Семантические исследования. М., 1996.
- Падучева 2007 – *Е.В. Падучева*. В поисках наблюдателя: глаголы *выглядеть* и *быть* [электронный ресурс] (http://www.lexicograph.ru/files/dialog-07_2.pdf) 2007.
- Падучева 2012 – *Е.В. Падучева*. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // ВЯ. 2012. № 1.
- Плунгян 2000 – *В.А. Плунгян*. Общая морфология. М., 2000.
- Полянский 2001 – *С.М. Полянский*. Таксис – относительное время – эвиденциальность (к проблеме критериев разграничения) // Сибирский лингвистический семинар. Новосибирск, 2001. № 2.
- Сидорова 2001 – *М.Ю. Сидорова*. Грамматика перцептивных ситуаций в художественной прозе // Текст. Структура и семантика: Доклады VIII Международной конф. Т. 1. М., 2001.
- Степанов 1981 – *Ю.С. Степанов*. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.
- Тестелец 2001 – *Я.Г. Тестелец*. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Успенский 2000 – *Б.А. Успенский*. Поэтика композиции. СПб., 2000.
- Якобсон 1972 – *Р.О. Якобсон*. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

Сведения об авторе:

Елена Николаевна Никитина
 Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
yelenon@mail.ru
 Статья поступила в редакцию 2.02.2012